

Празднование победы проходило во дворце Тайхэ, куда один за другим прибывали сановники.

Сун Мян, вернувшийся с женой и дочерью домой, чтобы привести себя в порядок, теперь также присутствовал на пиру. Император лично поднялся навстречу, чтобы поприветствовать его, и, высоко оценив заслуги, назначил Сун Мян великим маршалом и великим военачальником, доверив ему командование полумиллионной армией семьи Сун. Его дочь, Сун Цинлань, была пожалована титулом командующего императорской гвардией и назначена ответственной за охрану дворца. Также был издан указ о награждении всей армии.

Придворные чиновники наперебой поздравляли Сун Мян. На банкете кружились в танце искусные танцовщицы, музыканты заводили мелодии, и вельможи вместе с императором поднимали бокалы, празднуя столь великое событие.

Сун Цинлань обвела взглядом зал. Её глаза блуждали, словно она кого-то искала. Спустя долгое время взгляд её потух, она помрачнела и прошептала про себя:

— Её здесь нет. Если бы она была здесь, я бы узнала её с первого взгляда.

Хотя они не виделись десять лет...

Тем временем министры обменивались тостами и обсуждали текущие дела, вокруг царило оживление.

— Юный генерал Сун, позвольте поднести вам бокал. Отныне вы командующий императорской гвардией, вас ждёт блестящее будущее!

— Верно, верно! И я хочу выпить за вас. Поистине, у великого отца не может быть слабого потомства!

— Ну же, господа, давайте все вместе выпьем за юного командующего! — Толпа чиновников окружила Сун Цинлань, не оставляя ей выбора. Она пила бокал за бокалом и сама не знала, сколько уже выпила.

Лицо Сун Цинлань покраснелось, в голове шумело от хмеля. Ей стало не по себе, к тому же она была раздражена, а воздух во дворце Тайхэ казался слишком спёртым. Ей срочно нужно было выйти подышать.

Мэн Хуайюэ с самого раннего утра не могла уснуть. Мысль о том, что сегодня она увидит ту, о ком грезил целый месяц после перерождения, заставляла её улыбаться, а брови — разгладиться. Она даже тщательно принарядилась.

Служанка рядом с ней заметила, что сегодня маленькая принцесса ведет себя крайне странно. Весь последний месяц она ходила мрачнее тучи, не проронив ни улыбки, а сегодня словно заколдованная. Она перемерила множество нарядов, заставляя служанок выбирать самый

красивый, будто собиралась на встречу с кем-то необычайно важным.

Мэн Хуайюэ должна была сопровождать императрицу на праздничный банкет, но по пути во дворец Тайхэ подвернула ногу.

— Ваше Высочество, осторожнее! — вскрикнула её личная служанка Юньцю, но не успела подхватить падающую девушку.

Мэн Хуайюэ шла слишком торопливо, нетерпение переполняло её сердце. Она ускорила шаг, запуталась в собственных ногах и рухнула на землю. Сейчас её уже доставили на носилках обратно во дворец Цинъюэ и вызвали лекаря.

— Кровотечение из раны остановлено, повязку нужно менять ежедневно. Но повреждена кость, а заживление требует времени, так что в ближайшие сто дней постарайтесь меньше ходить, — наставлял лекарь, отходя к дверям дворца. — Это мазь от ран, наносите её каждый день. Императорская аптека будет присылать отвары для принцессы. Ничего страшного, через пару месяцев всё заживёт.

Сказав это, он откланялся. Мэн Хуайюэ была в ярости на саму себя за то, что упустила шанс встретиться с А-Лань сегодня вечером. Но, к счастью, она знала: в прошлой жизни отец назначил А-Лань командующей гвардией, и в будущем она часто будет нести службу во дворце. Отец поручит ей более важное задание, благодаря которому они смогут видеться постоянно.

Сейчас в таком виде появляться на банкете было нельзя, но настроение у неё было скверное. Она позвала служанку:

— Юньцю, помоги мне встать, хочу посидеть в павильоне Лотоса.

— Ох, принцесса! Лекарь ведь только что велел вам не двигаться и как следует отдыхать, — с тревогой отозвалась Юньцю.

— Ничего страшного, всего несколько шагов. Подойди и помоги мне.

Юньцю не смогла перечить принцессе. Она подошла, подставила плечо, чтобы та могла на неё опереться, и они, хромая, медленно вышли из дворца. Юньцю думала о том, что маленькая принцесса всегда была беззаботной и жизнерадостной, но за этот месяц словно стала другим человеком. Она постоянно грустила, плакала по ночам и страдала от кошмаров. Юньцю было больно на это смотреть. Днем ей почудилось, что принцесса снова стала прежней, но теперь случилось это несчастье. Она лишь надеялась на скорейшее выздоровление госпожи.

Сун Цинлань, пользуясь опьянением, уже выбралась из дворца Тайхэ. Снаружи дул легкий ветерок, принося прохладу. Она глубоко вдохнула, немного протрезвела и, бесцельно бродя, сама не заметила, как заблудилась.

Она была во дворце всего второй раз. В первый раз, в десятилетнем возрасте, она сопровождала отца, когда тот прибыл в столицу с отчетом. Выросшая на границе, она никогда не видела таких роскошных дворцов. Тогда, следуя за отцом, она вышла к удивительно красивому павильону, окруженному цветами, у озера, где по ветру покачивались изящные лотосы. Зрелище было столь прекрасным, что глаз было не отвести. Она попросила отца подождать её здесь, и Сун Мян, зная, что дочь не склонна к проказам, разрешил.

— Лань-эр, жди меня здесь, никуда не уходи, — сказал он.

— Слушаюсь, отец, — послушно ответила Сун Цинлань.

Именно на озере у павильона Лотоса она встретила маленькую девочку лет семи-восьми. Та сидела на носу лодки, болтая босыми ногами в воде, и смеялась так звонко, что её ямочки на щеках казались прекраснее звезд. В руках у неё был лотос, который лишь подчеркивал её невинную красоту. Сун Цинлань была очарована. Она выросла в военном лагере и никогда не видела ничего столь прекрасного, такого живого и свободного существа. Эта улыбка, эти персиковые глаза, слегка сощуренные в ленивой неге — всё это врезалось в память так глубоко, что даже спустя десять лет не стерлось.

Сун Цинлань шла, погруженная в воспоминания. Вдруг её тело напряглось, шаги замерли. Она застыла, устремив решительный взгляд вперед. Она прикусила нижнюю губу, пытаясь подавить внезапное волнение.

Мэн Хуайюэ сидела в павильоне Лотоса одна. Она отослала слуг и пила вино, опустив голову в глубоких раздумьях. Нахмурившись, она подняла взгляд к небу и горько усмехнулась, словно искала ответ на какой-то вопрос. На ней был наряд из парчи с золотым шитьем, плечи укрывала легкая белая накидка, которая развевалась на ветру. Её талия была тонка, как ива, а в глазах читалась печаль. Тонкие черные волосы были собраны лентой, сбоку красовалась заколка в виде бабочки. Слегка подкрашенное лицо казалось еще нежнее.

Сун Цинлань застыла, пораженная. Сердце её словно наполнилось порхающими бабочками. Она не сводила глаз с этих персиковых глаз, в уголках которых таилась грусть, и прошептала с улыбкой:

— Я нашла тебя!

Её охватил непреодолимый порыв. Она не могла совладать с собой и сделала шаг вперед. Когда до девушки оставалось около десяти футов, она внезапно опомнилась. Та, что сидела перед ней, не знала её, а она сама сейчас выглядела как мужчина. Если их увидят наедине, это будет верхом неприличия. Она отступила на несколько шагов назад.

Прошло около четверти часа, а она всё стояла, не в силах оторвать взгляд от этой картины, словно завороченная.

Мэн Хуайюэ, чей взгляд был затуманен алкоголем, вдруг обернулась и вздрогнула. Ей показалось, что она видит свою А-Лань. Она решила, что та снова пришла к ней во сне, и

позвала:

— Ты, что пришла во сне, всё еще не хочешь подойти? Всё еще так ненавидишь меня? Я уже раскаялась, я не должна была говорить тебе те злые слова. Почему ты стоишь так далеко? Сун Цинлань, иди ко мне!

Увидев, что та не двигается, Мэн Хуайюэ попыталась встать и подойти, но забыла о своей травме. Нога подкосилась, и она, потеряв равновесие, беспомощно рухнула на пол.

<http://bllate.org/book/21492/2200593>